

КАЖЕТСЯ, У МАМЫ РАК.

Август 1997 года, остров Утё. Теплые дни, вечера, ночи. Три недели, и каждый день — жаркий сухой ветер. Двадцать восемь градусов, тридцать, тридцать два. Вода в Балтийском море у острова Олё прогрелась до двадцати пяти градусов. Мы катим на велосипедах среди стрекоз, бабочек, чертополоха и кустов малины. Ни ливней, ни гроз. По вечерам в игрушечном домике (так Матс называет покосившуюся избушку на камнях, где столько симпатичных безделушек, что мы с нашим скромным багажом едва помещаемся, где на крохотной кухоньке уютятся газовая плитка и холодильник на газу) мы слушаем «Love Songs» Дасти Спрингфилд. И «Dusty in Memphis», наверное, тоже. Первое лето. По утрам мы пишем, после обеда отправляемся на Олё. Дни похожи как близнецы. Настоящий рай.

Но сердце снова пронзает предчувствие — у мамы внутри растет опухоль. «Не думаю», — говорит Матс. Или советует позвонить маме? Не знаю, откуда столько настойчивости в голосе. Пару дней спустя мы идем мимо телефонной будки в Кюрквикене — или в гавани? — я звоню маме, она берет трубку. Говорит:

— У меня в груди нашли узелок и сразу записали к хирургу.

ПИСАТЬ МОЖНО ОБО ВСЕМ — и ни о чем. Я действительно хочу вернуться на три года назад?

Или лучше просто стереть это время из памяти.

МАЙ 2016 ГОДА. В глазах других я совершенно не выгляжу уставшей. Внешне я бодрa. Как всегда. *Скоро станет легче.* Я взрастила внутри себя чудовище, рабочую машину. Никогда не отдыхаю. Уже два года я езжу по стране и рассказываю о своей героине Май, о домохозяйке как концепте и об устройстве общества. Всего около трехсот выступлений. Как за деньги, так и нет. Соглашаюсь на бесплатные встречи с читательскими сообществами, но в основном выступаю с лекциями в библиотеках по всей Швеции. Я рассуждаю так: это никогда не повторится. Такая востребованность. Не думаю, что сумею написать хотя бы еще одну вещь, которую благосклонно примут и читатели, и критики, к тому же на тему, давно ждущую своего часа. Как это получилось с трилогией про Май. Эпоха, которой и раньше отводилось место в гендерных исследованиях — то есть знаний было достаточно, но, чтобы охватить широкие массы, потребовалась форма романа. Именно поэтому так важно не упускать момент и встречаться с моими читателями. Почти с каждого выступления в памяти что-нибудь сохраняется: будь то разговор, вопрос, встреча с равнодушным человеком — все в копилку бесконечной истории о жизни женщины во времена

«дома для народа». Столько вариаций на тему судьбы Май в прошлом, и вместе с тем присутствие Май в сегодняшнем читателе.

Мне доводилось сталкиваться и с озлобленностью, и с острой критикой. Приходилось принимать и прорабатывать резко негативную реакцию на Май. На меня. Читаю статью: «Май не просто раздражает автора, но и вызывает презрение». Я пишу это, чтобы показать, как влияет на восприятие мнение других; разве может выдуманый персонаж, герой романа, вызвать такой гнев, такое непонимание условий иного времени? Джамайка Кинкейд* просто пожимала плечами, отвечая критикам: «Ну почитайте что-нибудь другое. Неужели в процессе написания книги я постоянно должна думать, каковы представления о приятном и неприятном у конкретного читателя или критика? Может, мне у них еще разрешения спрашивать?»

Я отвечаю. Как правило. Объясняю, почему нет никакого антифеминизма в том, чтобы сделать Май сложным персонажем, беспокойной самоедкой — когда от домохозяйек требуется излучать счастье и гармонию, задвигая подальше гнев, тоску, недовольство, неуместную страсть, эйфорию. Рассказываю, что право на аборт было очень ограниченным, а работа по дому отнимала все время и силы. А еще явно не хватало детских

---

* Джамайка Кинкейд (р. 1949) — американская писательница. (Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.)

дошкольных учреждений. Я доказываю, что мужские персонажи вполне могут быть отрицательными, никто не удивляется и не ужасается. Объясняю это вновь и вновь. Весной 2016 года появляется чувство, что я на грани. Если не сбавить темп, я сломаюсь. При этом ловлю себя на том, что опять принимаю то одно предложение, то другое. Среди них есть куда более интересные проекты, чем очередное выступление о Май. Круглый стол по фильму «Персона» на Бергмановской неделе, тексты на заказ для антологий, предисловия, рецензии. Все это так интересно... Вот только я ужасно устала.

ПРЕКРАТИ! ПУЛЬСИРУЮЩАЯ БОЛЬ пронзает плечо, пальцы на правой руке немеют. Матс быстро убирает ладонь с моей груди, говорит: «Что это? Я что-то нащупал!»

Я отворачиваюсь, поджимаю ноги и натягиваю одеяло. Мы только что занимались любовью. Я пропустила последнюю маммографию. Была записана на рентген в октябре 2015 года. Забыла, уехала из Стокгольма. Теперь уже май. За это время в календаре не нашлось ни одного дня, на который можно было бы назначить обследование. Я постоянно куда-то бегу. *Что-то несу.* Вокзалы, задержки поездов, провинциальные гостиницы. *«Боже мой, как тебе повезло, живешь в отелях, так классно, вот это работа!»* Да, пожить в отеле здорово — когда ты в отпуске. А если приезжаешь один и по работе — совсем другое дело. День за днем. Новые гостиничные номера. Новые кровати, подушки, шум кондиционера, тонкие стены, громогласные компании командировочных в коридоре. Ледяные или, наоборот, раскаленные батареи. Как будто каждый день меняешь место работы и приходится вливаться в новый коллектив. Всякий раз новая библиотека, новое контактное лицо, новая публика и новый гостиничный номер — или полуночное возвращение на Центральный вокзал

Стокгольма. Мертвое время, межвременье. В те часы, когда пора бы уже выписаться из отеля, но пока нельзя — попытки распланировать командировки, чтобы не было накладок. С одиннадцати до трех. Ожидание на пустых перронах и остановках. Дождь, ветер, снег, мороз, тьма. Солнце. Коммивояжер от литературы. Неудивительно, что разъездные агенты не упускали возможность выпить бокальчик по вечерам. Наверное, они и сейчас так делают. Но после вечерних выступлений все рестораны в провинциальных городках обычно уже закрыты. В лучшем случае работает какой-нибудь сетевой продуктовый магазин. Арахис, фрукты, йогурты, конфеты. Адреналин по-прежнему зашкаливает. Не уснуть. *Все прошло хорошо? Я не слишком резко ответила на вопрос, была ли Май когда-нибудь счастлива? Не забыла ли я рассказать о проекте «Фильмы для домохозяек»**? А та дама, что так волновалась, когда благодарил и просила автограф, не обошла ли я ее вниманием? Не слишком ли скромканно вышло? Мысли крутятся в голове. Как у Май. Мне становится стыдно: вряд ли я играю настолько важную роль в жизни читателей, что каждая мелочь имеет значение. И все-таки сама мысль о том, что моя работа недостаточно хороша, невыносима. Разговоры по телефону с Матсом и девочками под монотонные звуки гостиничного телевизора — скучаю

---

* Информационные и рекламные фильмы с развлекательной составляющей, предназначенные для домохозяек. Демонстрировались в кинотеатрах по будням бесплатно с 1950-х до середины 1970-х годов.

по ним, мечтаю оказаться рядом, понимаю, что без меня им тяжело, пытаюсь компенсировать свое отсутствие поздним звонком. Эстрид всегда спрашивает, не могут ли они с папой приехать за мной на машине. *Сколько ехать от Ханинге до Гётеборга, Дальбю, Оселе, Бодена?* Она отмечает в календаре ночи, когда меня нет дома, ставит крестики. Я отвечаю все суше, мечтаю завершить разговор, повесить трубку, хочу поспать, отдохнуть, чувствую себя опустошенной, обессиленной. Но домой смогу попасть только завтра. А дальше — новая поездка... Раз уж взвалила на себя обязательства, приходится их выполнять. Представляю, каково было бы организаторам, если бы я все отменила в последний момент. Они распространили анонсы, забронировали отель, возможно, продали дорогие билеты. *Скоро ко мне перестанут обращаться. Премию Августа Стриндберга получают другие писатели, вот они и будут востребованы. Еще немного, и я смогу отдохнуть. Впереди череда долгих пустых дней дома. Скоро.*

Вернувшись, стираю, убираю, оплачиваю счета, занимаюсь административной рутинной, планирую поездки и выступления. Квитанции, железнодорожные билеты. Отвечаю заказчикам на полгода вперед, рецензирую, пишу предисловия. *Интересно, Давид Лагеркранц* сам занимается административной работой, устраивая свои*

---

* Давид Лагеркранц (р. 1962) — шведский писатель и журналист, наиболее известный как соавтор биографии «Я — Златан» Златана Ибрагимовича.

турне? А Карл Уве Кнаусгор*? Или это делают только Хорошие Девочки? Носят книги, организуют продажи. Отвечают на сотни писем. Иногда их бывает по двадцать штук по поводу одного выступления. Под конец мне просто хочется кричать. Особенно когда я получаю мейл, в котором явственно читается требовательное раздражение: «Не могли бы вы в ответном письме прислать название доклада и краткую биографическую справку, а также рассказать, о чем будете говорить? Буклеты должны уйти в печать завтра в 11.00. Будьте добры, напишите как можно скорее, во сколько вы прибудете в библиотеку, и сообщите, нет ли у вас на что-нибудь аллергии».

Но до этого выступления еще девять месяцев! Я прибуду вовремя, аллергии у меня нет, если чем-нибудь угостите — буду рада. Еще у меня нет ни кричащего заголовка, ни слайдов, я просто собираюсь рассказать о жизни домохозяйки в эпоху «дома для народа». Единственное, о чем я прошу, — чтобы мне купили билет в «тихий» вагон. И дали какой-нибудь микрофон. Я постоянно испытываю стресс, чувствуя беспокойство организаторов — вдруг мероприятие пройдет неудачно? Разумеется, я понимаю — это их работа. Откуда им знать, что в моем почтовом ящике лежит еще сотня писем от организаторов других выступлений и я просто физически не могу ответить всем сразу.

---

* Карл Уве Кнаусгор (р. 1968) — норвежский писатель, автор шести автобиографических романов под общим названием «Моя борьба».

Неужели я еще буду заикливаться на ноющей боли в груди? Болит-то не постоянно, а только если нажать вот так, посильнее. Ведь можно и не нажимать. Скоро мы поедем в Англию. Как только я проведу последнюю в этом полугодии встречу — в финском Паргасе. Когда наш запущенный сад украсит июньская зелень. Я составляю списки. Сборы, уборка. У девочек последние дни в школе. *Если записаться на маммографию сейчас и окажется, что нужно дополнительное обследование, поездку в Англию придется отменить.* Корнуолл. Как Матс о нем мечтал. Мы сняли дом в поселке, где обычно проводила отпуск фолк-певица Сэнди Денни. Сейчас Матс пишет о ней роман. Точнее, в основном об ее отце Нэйле, который пережил жену и обоих детей. Запишусь потом. В июле. Я ведь хорошо себя чувствую! Просто перетрудилась. Но если оглядеться, таких как я немало. Скоро. *Скоро отдых.*

Я не хочу об этом писать. Уже слышу жалобы, *нытье привилегированной.* Но что делать, если я не могу писать ни о чем другом? Когда связь с вымышленным миром обрублена, когда голос, переносивший меня в другое измерение, умолк. Как объяснить... благодарность и радость от успеха трилогии о Май. Беседы с читателями, их отклик. Я чувствую себя одним целым с благодарной публикой. Да, я пишу, но при этом всегда остаюсь читателем. Знаю, что тексты могут вызвать непреодолимое желание ответить. Или

просто отдать что-то взамен, сказать спасибо. В моей жизни было несколько случаев, когда я с колотящимся сердцем осмеливалась подойти к любимому писателю, чтобы выразить свое восхищение. Никогда не забуду чувство стыда, которое меня одолевало, когда этот самый писатель коротко кивал, едва взглянув в мою сторону, и в лучшем случае произносил «спасибо», всем своим видом выражая досаду. Я все-таки хочу увидеть моего благодарного читателя, пока мне это по силам. Хочу, чтобы он знал — я принимаю его высокую оценку. Мы с читателем разделяем тот опыт, который дает нам чтение. И я бесконечно рада, что мои тексты продолжают жить в другом человеке. Но все же часть писем так и лежит без ответа. Я собираюсь ответить на них по-настоящему, вдумчиво, когда-нибудь *потом*.

В июне я сижу над предисловием к «Автобиографии моей матери» Джамайки Кинкейд. Одновременно с этим пишу текст для антологии о воспитании. Интересно, здорово, азартно. Как трудно отказываться от таких предложений. И невозможно работать кое-как. Good enough* — мы с Матсом часто говорим это друг другу. Термин «достаточно хорошая мать» (хотя должно быть, конечно, «достаточно хороший родитель»), придуманный Дональдом Винникоттом, применим почти

---

* Достаточно хорошо (англ.).